

Е.И. Головаха

СОЦИОЛОГИЯ МЕЖДУ ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ВЫМЫСЛОМ И НАУЧНЫМ ЗНАНИЕМ

В статье обсуждаются вопросы сохранения научного статуса социологии в связи с проникновением в систему социологического знания средств и приемов, характерных для художественного творчества. Обосновывается принцип «эстетической нейтральности» для разграничения научной и метафорической социологий. Предложены исходные принципы сохранения научности социологического знания в условиях наметившейся тенденции массового распространения суррогатных форм социологического знания и «метафоризации» социологии. Рассмотрены возможности получения обоснованного социологического знания на основе применения многократной гипотетико-дедуктивной процедуры социологического исследования.

Ключевые слова: *социологическое знание, метафора, реификация, социальный феномен, гипотетико-дедуктивный метод, методология социологии.*

Keywords: *sociological knowledge, metaphor, reification, social phenomenon, hypothetical-deductive method, sociological methodology.*

Социология как наука находится в близком родстве с художественным творчеством, плоды которого, в силу их особой эстетической привлекательности, могут быть приняты за научное знание о социальных реалиях. Автор популярного в России курса лекций по истории социологии Александр Гофман, опираясь на авторитетное суждение Чарльза Кули о том, что социологию следует трактовать как «художественную науку», полагает, что провести грань между собственно научной, публицистической и художественной социологией весьма затруднительно, поскольку в социологии в качестве познавательных средств часто используются художественные средства и приемы (метафора, ирония

и т. п.) (Гофман 2008: 12). Без иронии, и вправду, вряд ли можно длительное время заниматься социологией, не рискуя при этом проникнуться отвращением к предмету своего исследования. Впрочем, и сам предмет до сих пор не определился в такой мере, чтобы даже профессионально подготовленный социолог был уверен в том, что он — ученый, последовательно приближающийся к истине, а не свободный художник, творящий в своем «социологическом воображении» дивные образы, привлекающие специализированные и массовые аудитории силой и неординарностью творческого самовыражения. Тем более трудно обойтись в социологии без метафоры. Если бы в свое время Парето не позаимствовал у Макиавелли «львов» и «лис» для метафорического представления политических элит, вряд ли закон циркуляции этих вообразаемых представителей животного мира приобрел статус хрестоматийного. Даже столь специфическому художественному приему, как оксюморон, находится вполне неординарное место в социологическом познании. В этом убеждает профессиональное признание социологических бестселлеров вроде «Одинокой толпы» и «Индивидуализированного общества».

Вообще при всей специфичности сфер научного и художественного познания трудно отрицать некоторое родство науки и искусства в целом. Эстетический фактор никогда не был безразличен даже суровым естествоиспытателям, не говоря уже об утонченных гуманитариях. Не только художники, но и ученые многим обязаны интуитивному прозрению как универсальному механизму художественного творчества и не последнему средству научного познания. Есть немало свидетельств и того, что рождению естественнонаучных теорий предшествовало эстетическое чувство, связанное с рождением «красивой идеи». Истина прекрасна, заблуждение — безобразно? Но что тогда делать с тем, что вымышленные персонажи, с эстетической точки зрения, как правило, явно превосходят реально существующих — все зависит от таланта и творческого воображения художника и его способности учесть вкусы аудитории.

Именно в этом смысле я и говорю о социологии как об искусстве. Речь идет об искусстве обольщения профессиональных и массовых аудиторий вымышленными образами и персонажами. В протосоциологии такого рода искусство проявлялось непосредственно, когда достоинство социальной мысли определялось главным образом степенью художественной выразительности текстов, в которых эта мысль обосновывалась. Вряд ли идеи социальных утопистов (от идеального государства Платона до светлого коммунистического будущего) могли получить столь широкое распространение, если бы не набор впечатляющих художественных приемов, посредством которых утописты изображали будущее благоденствие общества.

Благодаря художественной выразительности выдуманнные образы социальной реальности, в соответствии с известной теоремой Томаса, получали вполне реальные последствия отнюдь не только в утопических теориях. Относительно свежие примеры теорий «конца идеологии» и «конца истории», при всей их неадекватности реалиям общественной жизни, получили популярность во многом благодаря сработанным по законам художественного творчества выразительным и парадоксальным названиям. Чем не «Закат Европы» Шпенглера? И хотя ни «конца», ни «заката» не наблюдается, реальные последствия этих теорий очевидны. В чем они? Да прежде всего в том, что доверие к социологии как науке падает по мере того, как популярные учения демонстрируют свою прогностическую несостоятельность.

Ратуя за сугубо научный статус социологии, Макс Вебер полагал, что не только в естествознании, но и в социологии как науке знания должны устаревать таким образом, что буквально через несколько десятилетий значение некогда актуальных социологических работ будет определяться не столько их научным содержанием, сколько тем «наслаждением», которое могут вызвать их художественные достоинства (Вебер 1990: 712). Думаю, что Вебер высказался по этому поводу слишком оптимистично. Кумулятивность социологического знания сегодня вызывает, пожалуй, больше вопросов, чем в начале прошлого столетия. И дело, на мой взгляд, не только в перманентном кризисе социологической теории, но и в экспансии в сферу социологического познания средств и приемов, направленных преимущественно не на поиск истины, а на достижение максимальной художественной выразительности как предпосылки завоевания любви профессиональных и массовых аудиторий.

И, может быть, эта экспансия не была бы столь пагубной для социологии, если бы речь шла о том, что Питирим Сорокин называл «истинным искусством», на смену которому, по его мнению, пришло искусство, обслуживающее рынок с его вульгарными запросами (Сорокин 1992: 451–452). Можно, конечно, вслед за Вебером, счесть этот вывод устаревшим и способным вызывать исключительно эстетическое наслаждение. Однако и социология — это наука, которая во все большей мере вынуждена обслуживать рынок. По крайней мере, публичной она становится не в той ипостаси, о которой неустанно говорит нынешний президент Международной социологической ассоциации (Буравой 2008), а в наиболее примитивной и вульгарной (развлекательные массовые опросы и рейтингометрия). А потому и в социологическую терминологию проникают менее утонченные метафоры, чем это было ранее, и апокалипсические гиперболы становятся все грубее, и в целом искусство «социологического обольщения» становится своеобразным «поп-артом».

Возможно, и я (в духе вышесказанного) гиперболизирую угрозу взаимопроникновения сфер социологического и художественного познания мира, и социология вправе использовать средства художественной выразительности, не рискуя утратить границы между социальной реальностью и выдумкой. Однако соседство с искусством может быть опасным, хотя бы потому, что вместе с приемами выразительности в науку проникают и критерии определения «подлинности», свойственные искусству. Немецкий художник-авангардист Курт Швиттерс таким образом высказался об искусстве: «Даже плевок художника может быть искусством». Разумеется, такое понимание художественного канона вряд ли может претендовать на всеобщее признание. Однако где гарантия, что «плевок ученого» не будет принят за научную истину, если этот ученый имеет авторитет в профессиональных и общественных кругах? От соблазна прибегнуть к искусству оболщания социолог не застрахован, если идея кажется «прекрасной», а в арсенале средств убеждения в ее истинности есть выразительные художественные приемы. И если профессиональное сообщество социологов по мере возможностей пытается придерживаться принципа ценностной нейтральности во избежание взаимопроникновения научного знания и идеологии, то и *принцип «эстетической нейтральности»* может оказаться вполне уместным в тех случаях, когда «красота социальной идеи» в очередной раз претендует на то, чтобы «спасти мир». И принцип этот вполне может распространяться не только на сферу социологического теоретизирования, но и на эмпирические социологические исследования, в которых искусство интерпретации полученных данных нередко достигает творческих вершин, характерных для плодов художественного вымысла.

Разумеется, и научное знание порождает социальные риски, связанные с его практическим применением. Физики что-то не то взорвут, биологи неудачно изменят гены и т. д. Чтобы как-то удержать в рамках приличия любознательность естествоиспытателей, создана даже специальная наука биоэтика, которая ищет пути ограничения рисков, связанных с деятельностью тех, кто не хочет ждать милостей от природы. И все же естествоиспытатели менее опасны для общества, чем безобидные, казалось бы, обществоведы, по той простой причине, что не могут воплотить в жизнь теории, не отвечающие реальности. А если и создадут ложные теории, то они никому не повредят, кроме, может быть, самого научного сообщества, которое будет пребывать в заблуждении и напрасну терять время в поисках разного рода эфиров и флогистонов. Деятели науки, распространяющие свою любознательность на общество, намного опаснее тем, что их безосновательные теоретические измышления вполне могут найти применение в практике общественной жизни. Речь идет о *реификатах* — выдуманных концептуальных схемах,

имеющих некоторую степень правдоподобия и претендующих на объяснение социальных реалий, с которыми они не имеют ничего общего. Многие популярные социологические теории — это реификация, овеществленная фантазия, которая потом становится элементом культуры и весьма действенным средством искажения социальной реальности. Самый близкий нам пример — марксистская теория смены формаций, которая является одним из наиболее «удачных» случаев внедрения в социальную практику реифицированных фантазий о «золотом веке» и «светлом будущем человечества».

Как результат внедрения в «массовое профессиональное сознание» социологов художественно выразительных реификатов в структуре современного социологического знания распространенными становятся его суррогатные формы:

- логико-семантические игры с социологическими категориями;
- суждения здравого смысла, не нуждающиеся в специальном обосновании;
- разрозненные эмпирические наблюдения, интерпретируемые как факты;
- гипотезы, выдаваемые за обоснованные концептуальные положения.

Склонность к продуцированию суррогатных форм знания никогда не была чужда социологам в силу крайне ограниченных возможностей последовательного применения объективных исследовательских процедур для изучения общества в его структурно-институциональных, деятельных и ценностных измерениях. Но особенно широкое распространение такого рода знание получило после «критической революции» в социологической теории (во времени совпавшей с молодежными бунтами более чем сорокалетней давности), закономерным результатом которой стал кризис социологии, завершившийся почти всеобщим признанием следующих принципов:

- 1) **мультипарадигмальность социологии** — в социологии парадигмы не сменяются, а сосуществуют, обеспечивая необходимый в современном обществе плюрализм мнений, верований, убеждений;
- 2) **множественность социологий**, каждая из которых имеет право на существование независимо от того, чем она занимается — объясняет и прогнозирует, понимает и вживается в мир, конструирует и интерпретирует реальность;
- 3) **условность дисциплинарных границ** — социологию не только невозможно, но и вредно принципиально отделять от других общественных и гуманитарных наук.

Реализация первого принципа в социологической теории и практике имеет одно важное достоинство в сравнении с монопарадигмальностью

прошлого. Поощряемый мультипарадигмальностью теоретический плюрализм, когда каждая глупость имеет право на существование, но не может претендовать на исключительность, является предохранительным механизмом от произвола харизматических теоретиков, претендующих на абсолютную истинность своего понимания социальной реальности. В советские времена о плюрализме оставалось только мечтать, а сейчас открыты безграничные возможности продуцировать массу взаимоисключающих социальных теорий, которые благополучно уничтожают друг друга, не превращаясь в идеологические доминанты и оставляя обществу право на самоорганизацию. Во многом благодаря теоретическому плюрализму в современном обществе наблюдается взаимоуничтожение социальных теорий, так что ни одна из них не может стать господствующей, не может навязать всем одно видение социальной действительности.

Однако теоретический плюрализм в своей беспринципности и чрезмерной снисходительности способствует ничем не сдерживаемому распространению суррогатных форм социального знания. Разумеется, и беспринципность можно рассматривать как принцип. Но реализация этого принципа не только плодит безответственных теоретиков, каждый из которых завоевывает свое место не глубиной аргументации, а броской упаковкой негодного к практическому употреблению теоретического продукта, но и способствует массовизации феномена «теоретического плюрализма в одной голове». По поводу аналогичного феномена в политическом сознании некогда остроумно высказался известный поэт и диссидент Наум Коржавин, когда заметил, что политический плюрализм как таковой — это хорошо, но если он в одной голове, то это уже шизофрения. Не этот ли феномен наблюдается сегодня в «мультипарадигмальной голове» современной социологии, где равные права на существование приобрели, по сути, взаимоисключающие теории и методологии. Это прежде всего касается ключевого направления современного социологического теоретизирования — теории глобализации, в рамках которой сосуществуют и представляются равно справедливыми взаимоисключающие концепции глобализации как блага и как катастрофы, как естественного развития мирового сообщества и как чудовищного заговора его привилегированного меньшинства против остального человечества.

В науке всегда существуют конкурирующие теории, появляющиеся при существенной неполноте знаний о предмете, например, противоположные по характеру прогноза концепции изменения климата под воздействием человеческой активности. Однако всегда есть элемент согласованного понимания хотя бы исходных параметров дискуссий. Спорят не о том, повысилась или понизилась средняя температура

в течение последнего периода, а о причинах и последствиях результатов измерения. А о чем могут спорить сторонники теории анклавного развития и компрадорского государства, догоняющей модернизации и зависимости, если у них нет согласия ни по одной исходной позиции?

Принцип мультипарадигмальности находит естественное продолжение в принципе множественности социологий. Если уж парадигм может быть столько, сколько есть амбициозных интеллектуалов в сфере социологического теоретизирования, то и социологий может быть столько, сколько они способны выдумать. Теоретики ориентализма противопоставляют «свою социологию» той, которую до них злонамеренно создавали «западники»; сторонники радикального феминизма настаивают на том, что наряду с созданной мужским шовинистическим разумом социологией все права на существование должна иметь принципиально иная социология, единственно способная отразить не только мужское, но и особое женское видение и понимание социального мира. Несколько десятилетий назад родилась «критическая социология», а сегодня рождается «публичная». Я не говорю уже об удивительных проектах создания особых «национальных социологий». А вслед за групповыми, региональными и национальными социологиями вполне могут появиться и индивидуализированные (по принципу «каждому социологу — по социологии, каждой социологии — по парадигме»).

Впрочем, воспрепятствовать этому процессу может принцип условности дисциплинарных границ. В последние десятилетия поиск выхода из так называемого дисциплинарного кризиса, о котором немало было сказано социологами в 70–80-е гг. прошлого века, связывался с возможностью повышения практической роли социологии и активным развитием теоретико-методологических связей с другими науками о человеке и обществе. По сути, речь шла о том, что социология должна пасть в объятия родственных наук и таким образом добыть себе новые средства к существованию.

В принципе, ничего плохого нет в том, что социология будет все шире взаимодействовать с другими науками. Но не в этом состоит решение проблем развития собственно социологического знания. Для социологии главное сегодня — выработка таких дисциплинарных правил и терминов, которые позволяли бы тем, кто называет себя социологами, ощущать уверенность в том, что они добывают именно специфическое социологическое знание. Кстати говоря, призыв к специалистам из смежных областей был услышан, и большинство исследователей современных социальных процессов, которые стали культовыми фигурами в социологии, — это специалисты в других областях знания: публицист Э. Тоффлер, философы М. Фуко и Ж. Бодрийяр, политологи С. Хантингтон и Ф. Фукуяма, лингвист Н. Хомский, экономист Д. Норт

и другие мыслители, наводнившие социологию своими соображениями о становлении, современном состоянии и перспективе развития общества. И пока они с успехом демонстрировали миру свои дискурсивные способности, профессиональные социологи преимущественно «дожевывали» тот теоретико-методологический продукт, который был произведен в период «бури и натиска». Это, разумеется, не значит, что в последние десятилетия не появляются новые концепции, не расширяется тезаурус, не совершенствуется технология, не обнаруживаются новые социальные факты, тенденции и закономерности. Новое знание, конечно же, появляется, претендуя на объяснение современной социальной действительности. Речь идет о другом: социологическое сообщество все более напоминает черную дыру, которая имеет огромную и все увеличивающуюся массу, но до внешнего наблюдателя от этого грандиозного космического тела не доходит ни один светлый луч. Почему так происходит? Почему философы и историки, политологи и публицисты, со своими квазисоциологическими фантазиями оттеснили социологов-профессионалов на периферию социального познания? Почему для социологии сегодня актуальны методологические проблемы, обсуждение которых в других науках давно уже является признаком дурного тона или элементарного невежества? Думаю, прежде всего потому, что до сих пор социологи так и не определились с предметом своего исследования, не выработали общепринятых исходных постулатов, без которых невозможно согласование позиций в оценке научности знания, его отличия от обыденных наблюдений и житейских стереотипов. Имплицитно они существуют для большинства социологов:

- 1) *социология — это наука, не допускающая «вненаучных» форм знания в его художественных, нравственно-оценочных и обыденных формах;*
- 2) *теории должны получать всестороннее эмпирическое подтверждение, без которого речь может идти не о научных теориях, а о более или менее обоснованных предположениях;*
- 3) *мультипарадигмальность и теоретический плюрализм не означают равного права на существование взаимоисключающих концептов — один из них или оба являются ложными;*
- 4) *процесс расширения междисциплинарных контактов не тождественен размыванию дисциплинарных границ социологии, имеющей специфические теоретико-методологические основания.*

Не думаю, что признание этих постулатов является попыткой реанимации позитивизма в его претензии на статус единственно верной научной методологии. Как бы экзотически мы ни называли наиболее популярную ныне общенаучную метапарадигму — постнеклассика (В. Степин) или постпостклассика (В. Ядов) — она вряд ли оправдывает попытки размывания границ между собственно научным и прочими

видами знания. Это относится ко всем видам познавательной деятельности, включенной в институциональные границы науки, и вряд ли существуют фатальные обстоятельства, не позволяющие социологии оставаться в этих же границах. Разумеется, речь идет о научной социологии, а не о ее весьма популярной ныне альтернативе, которую я назвал бы «*метафорической социологией*», питательной почвой для которой являются бесчисленные спекуляции по поводу изменчивости и рефлексивности объекта социологического познания.

Альтернативой метафоризации социологической науки является признание не только исходных постулатов научности, но и определение общего для всех социологов предмета (условно говоря, «*метапредмета*») исследования. Реально социологи изучают социальные феномены, в эмпирических исследованиях они, как правило, забывают о том, что у одних, согласно теории, единицей исследований являются отношения, у других — социальные действия, у третьих — социальные коммуникации и т. п., поскольку все они изучают социальные феномены и пользуются этой категорией постоянно, когда речь заходит о конкретном предмете исследования. Выбор того или иного феномена как предмета исследования связан с реальной возможностью столкновения в социальной действительности с чем-то, вызывающим потребность в систематическом наблюдении. И первая гипотеза социолога — это предположение о возможности систематического наблюдения. Фактически это гипотеза, которая позволяет отделить реальный феномен от воображаемого, иллюзорного. А определив его, сформулировать гипотезу на следующем уровне познания, когда речь идет уже не о живом наблюдении, а о фактах, открывающих путь к теоретической интерпретации.

За подтвержденной гипотезой о факте следует гипотеза о существовании тенденции как устойчивой воспроизводимости социального феномена, его относительной темпоральной инвариантности. Следующая гипотеза перемещает социальный феномен из временного контекста в пространственный. Это гипотеза о существенных связях, которые образуют «*внутреннее пространство*» феномена (его структуру) и внешнее пространство — систему существенных связей с другими социальными феноменами. Здесь решающая роль принадлежит не столько традиционным кросс-секционным, сколько кросс-культурным (позволяющим осуществлять культурную спецификацию феномена) и кросс-национальным исследованиям.

Многokратная иерархическая гипотетико-дедуктивная процедура, предполагающая на первом этапе применение качественных методов и пилотажных кросс-секционных исследований, на втором этапе — трендовых и панельных исследований, и на заключительном — кросс-культурных

и кросс-национальных, и должна последовательно применяться к изучению современных социальных феноменов.

Разумеется, такая процедура получения достоверного социологического знания рассчитана на длительную перспективу и требует значительных организационных ресурсов. Но уже сегодня есть образцы реализации подобных исследовательских стратегий. Например, многолетний исследовательский проект американского социолога Мелвина Кона, который для обоснования гипотезы о взаимосвязи социально-стратификационной позиции, профессиональной самостоятельности и психологии личности последовательно расширял методологическую базу исследования от локальных опросов до последующих общенациональных кросс-секционных, лонгитюдных и кросс-национальных исследований (Kohn 2006).

В условиях, когда предмет исследования социолога постоянно изменяется, требуя все новых и новых объяснительных конструктов, возникает необходимость не столько в универсальных объяснениях, сколько в создании концепций, способных объяснять социальные процессы в конкретных человеческих сообществах и в конкретных социальных ситуациях. И только в том случае, если объяснения, полученные благодаря таким концепциям, окажутся применимыми во всех ситуациях социальных изменений (в различных обществах и в разное время), можно говорить о формировании некоторой универсальной социологической теории.

Литература

Буравой М. За публичную социологию // Социальная политика в современной России: реформы и повседневность / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: ЦСПГИ, Вариант, 2008. С. 8–51.

Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. М.: КДУ, 2008.

Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.

Kohn M. L. Change and Stability: A Cross-National Analysis of Social Structure and Personality. Boulder, CO: Paradigm Publishers, 2006.